



Солдат, поэт, король
Дагни Нордберг

Дагни Норберг

Солдат, поэт, король

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70565338

SelfPub; 2024

Аннотация

Вильгельм находится в центре рассказа из трёх частей. Он фигура вне времени. На его месте когда-то стоял алчный правитель, его понимает вдохновлённый поэт и в далёком будущем узнает в нём себя храбрый солдат. Одна и та же проблема приходит в разные эпохи. Война. Ужасное слово, за которым стоят ещё более ужасающие события, разбитые судьбы, мечты и надежды людей. Но война не меняется. Её всего лишь воспринимают по-разному. Основой для рассказа послужила песня «The Oh Hellos – Soldier, Poet, King».

Содержание

Солдат	4
Поэт	17
Король	28

Дагни Норберг

Солдат, поэт, король

Солдат

За панорамными окнами уже смеркалось, на улицах ярче светили прожекторы, а некоторые сотрудники торопливо заканчивали свою работу. Вильгельм же вновь утонул в электронном пространстве. Большинство коллег могли на пальцах одной руки пересчитать моменты, когда видели его глаза. Огромные очки виртуальной реальности уже не дополняли образ Вильгельма – они составляли его. Там, в бескрайнем мире, юный техник изучал закономерности межгосударственных систем, чтобы через год изменить их и внедрить новые.

Если вам интересно знать, то больше всего на свете он не любил неожиданных гостей. И совершенно неважно, тревожили они его в редкий выходной или приходили прямо посреди путешествия по электронному пространству. Поэтому, когда до плеча Вильгельма настойчиво дотронулись, он тяжело вздохнул.

– Мне оставалось совсем немного закончить... – начал было Уилл, но, заметив лица стоящих перед ним, неловко замолчал. Смутило даже не то, что среди трёх мужчин Виль-

гельм знал только одного – своего начальника, – а само выражение их лиц. Застывше-решительное на незнакомцах и растерянное у начальника. *Что-то произошло.* Этого не понял бы только умалишенный, к коим Вильгельм себя – пока что – не причислял.

– Сэр, я говорю с Вами от лица Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами. В связи с событиями, произошедшими на территории нашего государства несколько часов назад, а именно нападением агрессивно настроенных войск на пограничный населённый пункт, Вы, находясь в дееспособном возрасте, должны знать, что Вашим долгом является вступление в армию и участие в военных действиях.

Выпалив свою длинную тираду на одном дыхании, «исполнительное лицо» замолчал. Вильгельм не успел даже удивиться столь необычному обращению к себе: слово «сэр» он мельком видел лишь в детстве в одной из древних книг. В его голове пролетели сразу тысячи мыслей, поэтому последующая речь начальника показалась ему излишней.

– Вильгельм, ты представляешь будущее нашей компании, поэтому я внёс тебя в список людей, которые не обязаны уходить на фронт, – мужчина поморщился. В глубине своей души он был счастлив, что тоже не несёт никаких прямых обязательств перед армией.

– Нет-нет, это ни к чему, – мягко улыбнулся Вильгельм и сверкающими глазами посмотрел на двух незнакомцев: – Я

готов. *Я уйду на войну.*

Один из них – тот, что зачитывал длинное сообщение – кивнул и пригласил Вильгельма за собой, не обращая внимания на поражённое лицо мужчины рядом.

– Но как мы закончим твои разработки?! – не выдержал он.

– Не беспокойтесь, я планирую вернуться, – легко усмехнулся Вильгельм. – К тому же, я не смогу спокойно спать с осознанием, что ничем не помог своей стране в решающий момент. А Вы?

В его словах не было ни доли лукавства, ни упрёка. Он *правда* увидел в этом лучшую возможность проявить себя, свою преданность и отвагу. Конечно, Вильгельму нравилась его работа, да и к тому же он знал, что выполняет её лучше всех остальных. Но что-то в этом всё сдерживало его внутренние порывы, раскрытие его внутреннего «я».

Им пришлось подождать ещё некоторое время на крыше здания, пока из офисов забирали остальных мужчин. Одни покорно становились рядом с Вильгельмом, другие вырывались и пытались бежать. Их попытки были тщетными даже в теории, что уж говорить про практику: всего через пару метров их грубо останавливали и вели обратно. Вильгельм не хотел представлять, что с ними сделают после. Для войны необходимы все силы, а дезертирство только бы усугубило ситуацию. Бедным невольникам предстояло пройти через болезненную процедуру, в ходе которой им объяснят их ре-

альное положение. Вильгельм бросил печальный взгляд на своих бывших коллег, а после воспрял духом. Его не ждали ни мучения, ни тяжёлые лишения, ни бесполезные задания. По крайней мере, так он думал тогда, стоя в мирной обстановке возле площадки для небольшого джета.

Даже высадившись в небольшом быстро построенном городке для военных, Вильгельм чувствовал только ликование. Ему выдали большой рюкзак с вещами первой необходимости, одеждой и парой тюбиков еды. Жить предстояло в одном большом помещении с десятком таких же солдат: есть вместе с ними, тренироваться, отдыхать, чтобы после пуститься в бой.

– Просьба всем новоприбывшим собраться через десять минут в Главном Штабе. Повторяю, просьба... – раздался отчётливый женский голос со всех сторон комнаты. Вильгельм осмотрелся. В каждом углу висела небольшая камера и громкоговоритель, а также колонки, сейчас не издававшие ни звука. Кровати представляли собой трёхъярусные капсулы: располагаясь практически вплотную друг к другу, они, тем не менее, предоставляли высокий уровень приватности.

Вильгельм почувствовал вибрацию у виска. Он осторожно нажал на небольшую кнопку, не желая создавать много шума вокруг себя голосовым управлением чипа. Перед глазами появилась одна из сотен бесполезных предложений, передачу которых стоило отключить уже давно. Решив заняться этим после собрания, Вильгельм снял с плеч рюкзак и по-

ставил его возле одной из капсул.

– Привет, – парень из капсулы напротив помахал ему рукой. – Я Коннор Ли, но называй меня просто Коннор. Это не противоречит порядку, а нам всем сильно облегчает жизнь.

– Рад знакомству. Я Вильгельм. Можешь звать меня Уилл, если захочешь ещё больше упростить свою жизнь, – Вильгельм улыбнулся. Ему нравилась сама мысль, что он попал в абсолютно новый мир, с которым прежде его ничего не связывало. Здесь он был волен стать новым человеком.

– Быстро учишься, – Коннор рассмеялся. – Я тут практически с самого нападения. Так уж мне повезло, что год назад решил бросить работу и стать военным. Сейчас их требуется с десятков раз меньше, чем даже сто лет назад. Поэтому приходится немало трудиться, чтобы оставаться в числе лучших. Но что-то я слишком сильно тут душу раскрываю, тебе так не кажется, Уилли?

Лёгкость в общении с Коннором привлекла Вильгельма в первые дни его пребывания в новом и непривычном месте. Среди неопытных работников высоких технологий Коннор оказался не случайно. Он стал их командиром и тренером на крайне ограниченное время. Уже через три дня всем предстояло отправиться на место сражения для защиты тылов. А пока они учились обращаться со сложными машинами, строение которых легко понимали изнутри. Многие здесь были механиками, сконструировавшими в своей жизни немало подобных вещей. Поэтому на осознание роботов,

оружия и прочих машин у них ушло не больше дня. Оставшиеся два дня разделились на две составляющие: большую часть времени солдаты практиковались в специально созданных условиях для имитации реального боя, а несколько часов вечером уделяли теоретической и стратегической части подготовки.

Ранним утром, за час до передвижения к линии фронта, Коннор выступил перед ними с небольшой речью:

– Ваша жизнь меняется так стремительно, как только возможно. Пусть это не пугает вас, но в каждой войне неизбежны не только победившие, но и проигравшие. Поэтому у нас одна задача: приложить все возможные усилия для победы. В наших с вами руках сейчас находится судьба миллионов. Не позволяйте своим родным разочароваться в вас, не станьте тенью, живущей в оковах чужого величия, – он остановился и внимательно посмотрел на замерших перед ним парней. Большинство лиц не выражало ничего особенного, но находились и крайне обеспокоенные новобранцы. Коннор решил добавить: – Помните, что вы не идёте на поле боя в одиночку. С вами буду я, ваши друзья и знакомые, другие главнокомандующие и опытные солдаты. Тяжело разбить самоуверенную армию, но ещё труднее убить сложившееся среди нас общество. Отныне мы единый организм, и если какая-то наша часть падёт в героической схватке, то вопрос сплочения не исчезнет, а получит первостепенную важность.

Вильгельм не удержался и тихо усмехнулся. Его не услы-

шали даже стоящие в метре солдаты, усмешки не заметили смотрящие куда-то вдаль. Но Коннор словно нутром почувствовал его эмоции и сам едва сдержал улыбку. Закончив с наставлениями, Коннор подошел к Вильгельму и похлопал его по спине.

– Что, уж сильно пафосно я закрутил?

– Да не то слово, – тихо рассмеялся Вильгельм. – Не понимаю только, почему я один это заметил.

– Ну ничего, посмотрим, какие мысли будешь изрекать ты совсем скоро, – подмигнул ему Коннор и поспешил в начало колонны солдат, стремящихся занять свои места в длинном самолёте.

Следующий месяц прошёл для Вильгельма как в тумане. Бесконечные взрывы, нехватка сна, столкновение с ужасающими смертями со всех сторон – ко всему нельзя подготовиться заранее. Ему повезло, что рядом неизменно появлялся Коннор и старался подбадривать или отвлекать отстранёнными разговорами. У Вильгельма и раньше были друзья, но никого подобного Коннору. Он не уставал поражаться силе воли этого человека, его безустанному оптимизму и способности выпутаться из любой передраги. Постепенно Вильгельм перенимал у него некоторые из способностей, и уже к концу второго месяца чувствовал себя намного увереннее.

Случались и невероятно сложные ситуации, которые проверяли Уилла на прочность. Наиболее ожесточённые бои чаще всего происходили ночью, оставляя солнечные дни для

лечения ран и прощания с убитыми. В одну из таких ночей Вильгельм медленно продвигался вперёд с тяжёлым бластером на плече, пригнувшись к земле, чтобы не попасть под шальной снаряд. По лицу стекал пот вперемешку с грязью, которая то и дело норовила залететь в глаза. Каждый шаг давался с трудом и сопровождался страхом: Вильгельм и так подошёл слишком близко к лагерю противника. Но все напряжённые мысли мигом улетучились, освобождая место не менее тревожным, стоило ему услышать слабый стон из-под завалов.

Кажется, прошло секунд пять, пока Вильгельм колебался, но они ему показались целой вечностью. Стон повторился вместе с мольбой о помощи. Мысленно поторговавшись с самим собой, поругавшись на тяжесть ноши, Вильгельм прошёл несколько метров в сторону, из которой раздавались звуки. Под грудой металла, оставшегося после уничтоженного робота, лежал парень. Он едва заметно открыл глаза, услышав шаги рядом с собой.

– Воды... – пробормотал солдат, протягивая вперёд трясущуюся руку. Его губы потрескались от обезвоживания, на пальцах запеклась кровь. Вильгельм не увидел ран на голове, но было ещё рано говорить о сохранности остального тела. На рукаве порванной майки красовалась знакомая эмблема. Уилл положил бластер на песок и достал из сумки пару капсул с водой. Этот отчаянно нуждающийся в спасении парень был его союзником, поэтому Вильгельм не собирался остав-

лять его умирать.

Кое-как напоив солдата, он осторожно сдвинул с его тела большие обломки, а после принялся за мелкие трубы. Одна из них придавила ноги парня к земле, не позволяя выбраться. Стоило Вильгельму убрать последний кусок металла в сторону, как раненый закричал от боли.

Оба потратили последние силы, чтобы добраться до своего лагеря. Уилл оставил нового знакомого с медиками, а сам побежал к Коннору, чтобы объяснить, почему нужно незамедлительно отправить кого-нибудь выполнять незавершённое задание. Устав предписывал не оставлять опасное и ценное оружие на поле боя, особенно в непосредственной близости к врагу, но Коннор ни словом не упрекнул друга в просчёте. Для обоих спасение человеческой жизни было важнее. Но другим об этом не стоило знать.

На следующее утро Коннор вызвался вместе с Вильгельмом навестить раненого бойца. Сумати – так он представился – выглядел уже намного лучше. Его вымыли, накормили и наложили гипс на сломанную ногу. Сумати улыбался и шутил, несмотря на то, что ещё вчера был уверен в близости своей смерти. Именно после таких потрясений человек начинает осознавать ценность каждого момента.

И ничто не сближает людей больше, чем совместно пройденные испытания. Сумати ввели регенерирующую инъекцию, которая часто спасала даже в самых безвыходных ситуациях. Последующие четыре месяца в небольшом передвиж-

ном лагере солдат каждый день можно было заметить три силуэта, практически всюду следующие друг за другом. Вильгельма бесконечно радовало, что они с Коннором и Сумати стали так неразлучны. Лишения и повсеместные ужасы войны практически не пугали его, пока он знал, что с друзьями всё в порядке.

Ситуация на фронтовой полосе оставалась неразрешимо напряжённой, пока города изнывали от неудобств, предоставляемых войной. Недовольство зажиточных семей перешло к министерству, которое в прямом обращении потребовало от солдат чётких и быстрых действий. Коннор долго злился из-за этой новости. Он прослужил достаточно долго и мог предположить, что произойдет дальше. «Нас всех отправят в нападение. Не часть, не на определённый объект, а всех доступных людей и пока у нас или у нашего противника не закончатся силы», – объяснил он своё недовольство друзьям.

Коннор оказался прав во всём. Не прошло и недели, как главнокомандующий распорядился вступать в немедленный бой. В лагере осталось лишь несколько медиков и патрульных. Находились солдаты, которые пытались отвлечься от предстоящего ада, но и у них плохо получалось сместить фокус внимания. Даже Коннор, будучи неисправимым оптимистом, молча шёл плечом к плечу с Вильгельмом и Сумати. Уилл плохо представлял, какой именно ужас ждёт их в ближайшие часы – или дни, – но чувствовал висящую в воздухе

тяжесть всего мира. Он вспоминал главные события полугода. Воспоминания проносились в его голове с такой торопливостью, словно кто-то выкрутил скорость на максимум. Обнаружив в себе достаточно сил, Вильгельм пошутил о чём-то несущественном. На его счастье, Сумати и Коннор ответили громким смехом, на мгновение забывая о тяжести своего положения.

– Нам стоит выбраться в городской бар после боя, – воодушевлённо предложил Коннор, словно нашёл в этой идее причину для сражения.

– Обязательно! – согласился Вильгельм.

– Я слышал, у них там неплохой бренди. Сто лет его не пил, – мечтательно рассмеялся Сумати.

Пока Коннор пустился в размышления о напитках, Вильгельм заметил пролетевшего мимо них голубя. Он улыбнулся. «Всегда есть надежда».

Бой начался так же стремительно, как и ожидало большинство. События закрутились в калейдоскопе тел, летающих снарядов и шумных механизмов. В руках у Вильгельма очутился бластер, всунутый впопыхах чьей-то любезностью. Секунды сливались в минуты, минуты в часы. Воодушевление тех немногих, кто им обладал, сменилось на усталость и нарастающую панику. Рядом с живыми лежали груды раненых и убитых бойцов, зачастую придавленных машинами.

Всё произошло, когда Вильгельм на ходу перезаряжал бластер. Он видел перед собой цель: громадного робота, то

и дело выпускавшего столб искр вместе с выстрелом. Нужно было только сделать один точный удар по коробке передач, чтобы обездвижить механизм на несколько секунд. За это время Вильгельм успел бы разрушить платы. Но, как это часто бывает на войне, все желания и мысли испарились по воле одного снаряда.

Первым, что почувствовал Вильгельм, была не боль, а невозможность сделать вдох. Затем рука перестала сжимать бластер. Оружие упало на землю, но шум от удара растворился в грохоте боя. Вильгельм опустил голову, пытаясь понять, что произошло с его грудной клеткой. Осознание, что проблема чуть ниже, догнало его уже упавшего на колени. Вспышка страха – всё, что он успел ощутить.

Сражение заканчивается через час. Выжившие солдаты не хотят смотреть на лица друг друга. Они боятся. Боятся, что потеряли слишком много.

У Сумати подкашиваются ноги, когда он находит тело Вильгельма. С огромной дырой, оголяющей нижние рёбра. Его губы трясутся. По щекам текут слёзы. Мысли «так не должно было произойти» и «нужно морально подготовить Коннора» приходят в голову практически одновременно. Сумати всей душой не хочет, чтобы хоть кто-то в этом мире испытывал такие страдания. Но не успевает он сделать и шага в сторону, как слышит крик солдата:

– Я нашёл ещё одного из восточного лагеря! Это Коннор, он погиб.

Сумати замирает. Слова очень медленно проникают в его сознание, пока он наконец не осознаёт, *что* произошло. Солдаты и дальше что-то кричат, но Сумати уже не слышит. Он падает на землю рядом с мёртвым другом. Больше нет смысла куда-либо торопиться.

Поэт

За окном бушевал ливень, словно то и дело пытаюсь каплями проникнуть в комнату. Потемнело настолько, что Вильгельму пришлось включить настольную лампу. В такие вечера он больше всего любил забираться в постель с чем-нибудь горячим, интересной книгой, до которой всё никак не доходили руки, и кутаться в мягкий плед. В этот раз непогода застала его за работой. Стучать по клавиатуре, иногда случайно попадая в ритм дождя, было не менее приятно. Такая обстановка помогала настроиться на определённый лад, а сейчас Вильгельму больше всего не хватало того самого «лада». Вдохновение ускользало от него, словно песок, утекающий сквозь пальцы ребёнка. Но такие неприятности не останавливали Вильгельма, ведь его писательскому опыту давно шёл не первый год. Ему как никогда стоило закончить повесть к сроку: уход с основной работы с новыми силами подталкивал к тяжёлому творческому труду.

Вильгельм откинулся на спинку стула, приводя его в лёгкое движение, и скептически поморщился. Издатель так хотел опубликовать именно этот сюжет, что согласился заплатить двойную сумму – а Вильгельма раздражало каждое написанное им слово.

Засветился экран телефона – пришло новое сообщение от Эммы. Писатель расплылся в улыбке: причина, из-за кото-

рой он готов хоть вечно писать на избитые темы, лишь бы стать на ноги, напомнила о себе в самый подходящий момент. Вильгельм зашёл в диалог и увидел фото насквозь промокшей Эммы.

«Не успела добежать домой до начала Апокалипсиса».

«Сейчас всё хорошо? Прими тёплый душ, чтобы не заболеть».

«Да, уже бегу!) Ты как?».

«Пытаюсь закончить свои мучения. Надеюсь, солнце прогонит их вместе с серыми тучами».

«Ты как всегда поэтичен) Позвони завтра утром, ладно?»

«Договорились, любовь моя».

Вильгельм отложил телефон подальше, чтобы тот не сбивал своими вечными уведомлениями. Завтра он передаст повесть редактору и вернётся к написанию стихов: они странным образом всегда получались лучше прозы, так ещё и приносили несравненное удовольствие. Но кто же виноват, что в современном мире люди считают стихотворную форму приемлемой лишь в музыкальных произведениях.

С Эммой их, казалось, никак и никогда не смогла бы свести жизнь. Про таких говорили, что они люди из параллельных вселенных. Слишком разные, чтобы встретиться на литературном вечере или в художественной галерее. Нет, Эмма любила искусство, но в умеренном его количестве. Обычно – до появления Вильгельма – всё представление о «прекрасном» заканчивалось тусклой картиной в родительской

спальне. Её куда больше занимали спортивные соревнования, политические встречи и разнообразные секции. Говорят, что в семье военных тяжело вырасти обыкновенным человеком, и Вильгельм частично был с этим согласен. Он, со своей тягой к свободе и творческому хаосу, никогда бы не смог выжить в доме со строгим распорядком дня. А Эмма не только могла, но и назло всем стереотипам практически ничем не отличалась от других молодых девушек.

Они встретились в кафе. Вильгельм часто шутил, что трудно найти ещё более банальное и избитое место. Пока он кипел над потрёпанным жизнью блокнотом с набросками очередной поэмы, в кофейню влетела Эмма. Торопясь сделать заказ, она не заметила стоящий на краю стола бумажный стаканчик. Давно остывший чай разлился на пол вокруг стола, не пережив столкновения с её рукой. Эмма тут же затормозила, в панике оборачиваясь к сидящему парню. Пройдя через череду неловких извинений и предложений угостить новым напитком, они смогли разговориться. Эмма объяснила, что у неё выдалось всего несколько свободных минут, пока в соседнем здании шло собрание, на котором ей предстояло отсидеть до самого конца. Вильгельм же, не придумав ничего лучше, предложил встретиться на следующий день в парке, чтобы хоть немного развеять скуку серых дней.

Свидание удалось, поэтому за ним последовало ещё одно и ещё... А после они привыкли друг к другу настолько, что уже не хотели расставаться. Да и зачем? Когда впереди вся

жизнь, а вы способны заполнить её счастьем, какие могут быть преграды?

Конечно, отец Эммы не одобрял Вильгельма. Даже после двух лет отношений, нескольких праздничных ужинов и упоминаний писателя в популярных новостных издательствах. Плоскость силовой сферы никогда не соприкоснётся с духовной, и отец девушки не уставал показывать это. Эмма боролась с ним только первое время, когда ещё верила в успех своих аргументов. После скандала на свой день рождения, она бросила всяческие попытки примирить мужчин друг с другом. Пусть сосуществуют по разные стороны баррикад. Вильгельм с готовностью согласился, облегчённо выдохнув где-то в душе. В его голове с точностью начинал вырисовываться план, в котором он собирает достаточную «подушку безопасности», делает предложение Эмме, и они переезжают в другую страну. В свой собственный дом, где никогда не будет установлен строгий распорядок дня.

Выспаться на следующее утро Вильгельму не удалось. В семь утра раздался гулкий удар во входную дверь, а за ним последовала серия стуков. Писатель резко поднялся над постелью, испуганный таким пробуждением. В голове проносились все возможные и невозможные варианты того, что могло произойти. Это грабители, убийцы, полиция или соседи? Последний раз подобным образом посреди ночи его разбудили пожарные. Тогда всё закончилось лёгким недоумением, доносящимся с нижнего этажа запахом гари и последу-

ющей дневной усталостью.

Чтобы не гадать, что произошло на этот раз, Вильгельм быстро соскочил с кровати, натянул штаны и кофту и поспешил к двери. Он всё же заглянул в глазок на случай, если по ту сторону двери стоит вооружённый человек. Вильгельм почувствовал недобрый холодок по спине, когда увидел именно эту картину. Только вооружён был не один человек: их было трое. И они продолжали ломиться к нему в квартиру.

– Чем я могу вам помочь? – Вильгельм постарался как можно громче задать вопрос, чтобы люди за дверью его слышали. Удары прекратились.

– С Вами говорит военный комиссар, открывайте!

– Вы можете сообщить цель своего визита не входя, – он смутно догадывался, что они пришли без повестки и кроме угроз не располагают никакими рычагами давления.

– Мы говорим с Вами от лица прапорщика. Сообщение срочное и конфиденциальное, нам необходимо убедиться в подлинности Вашей личности, откройте дверь! – проговорил второй голос. Вильгельм задумался. Он знал только одного человека с такой должностью, и то не по собственной воле. Отец Эммы. «С ней что-то случилось? Но он мог бы просто позвонить. Да и этого он не стал бы делать, со своим презрением...» – Вильгельм поник. Нет, дело в другом, он просто пока не может понять, в чём именно. А стук с обратной стороны двери вдруг возобновился.

– Я ещё раз повторяю: или вы говорите причину своего

вторжения, или я вызываю полицию! – Вильгельм заглянул в глазок, желая увидеть эмоции на лице военных. Они заметно смутились после его фразы и пытались придумать новый метод. Оставалось завершить свой ход, чтобы в конце убедить незваных гостей сдаться: – И я очень сомневаюсь, что о вашем визите известно старшему прапорщику. Может мне стоит обратиться к нему напрямую?

– Это по поводу начавшейся войны, – раздался спокойный голос, словно вбирая в себя невозмутимость Вильгельма, которая исчезла из него, стоило прозвучать слову «война». Военный продолжил: – Сегодня ночью произошло нападение на пограничный пункт. Вооружённые силы неприятеля направляются вглубь страны. Мы начинаем срочный призыв всего дееспособного населения. Вы обязаны проследовать с нами.

Вильгельм прислонился к мягкой обивке двери. Война? Здесь? Сейчас? Он почувствовал себя небывало слабым, стоя босиком на грязном коврикe. Мысли устремились намного дальше настоящего момента. Вильгельм живо представил себе, какой хаос начнётся с пробуждением всего города, страны. Мечты и желания казались ещё более значимыми после таких новостей. В них было что-то твёрдое, успокаивающее. Он знал, что его не могут принудить пойти в военкомат. По крайней мере не в следующие несколько часов, пока происходит официальное оформление. Отец Эммы хотел испугать его и перехватить, вынудить пойти на эту войну, где

у писателя не оставалось ни единого шанса на жизнь.

– Благодарю. Пожалуйста, не задерживайтесь у моего порога. Боюсь, что в ином случае, я буду вынужден вызвать полицию, – в словах Вильгельма не читалось и сотой доли всех тревог, переполнявших его душу. На дальнейший диалог у него не было времени. Оставалось лишь надеяться, что brave исполнители долга не могут весь день провести у двери писателя, и он успеет убежать до оформления его настоящей повестки.

Вильгельм оставил короткое сообщение Эмме, не желая будить её в столь ранний час. Он соберёт вещи, бросится за ней в самое логово зверя, чтобы больше никогда не появиться в этом городе. Её отец сделает всё возможное для объявления Вильгельма врагом народа – или это будет звучать менее поэтично в его устах. Проверять не хотелось.

Забросив всё самое необходимое в одну большую сумку, Вильгельм осторожно подошёл к входной двери. Его встретила тишина и последующее облегчение: они ушли. В руке завибрировал телефон, оповещая о долгожданном звонке.

– Уилл, я ничего не понимаю, что произошло? – раздался заспанный, но уже настороженный голос Эммы.

– Дорогая, нам нужно срочно встретиться. Собери вещи, я приеду за тобой, – и только произнеся эту фразу вслух, Вильгельм осознал, что сам лез на рожон. Где, как не в своем доме, прапорщик оставит достаточное количество военных. Он всё продумал.

– Зачем? Что-то случилось? – успела спросить Эмма во время наступившей тишины.

– Мне нужно с тобой поговорить. Не по телефону. Ты сможешь уйти из дома так, чтобы твой отец не заметил? Я встречу тебя в паре кварталов от твоего дома. Пожалуйста, не задавай вопросов сейчас, – Вильгельм боялся остановиться даже на секунду. Боялся, что Эмма перестанет его слушать, что их разговор прервут, что он упустит что-то важное. Поэтому продолжал как скороговоркой: – Возьми с собой документы, деньги, предметы первой необходимости. Все в порядке, просто нам стоит торопиться.

– Хорошо, – коротко ответила Эмма и положила трубку. Холодный тон её голоса испугал Вильгельма, заставляя рисовать в голове самые неприятные картины. «Она всего лишь шокирована этим неожиданным разговором», – постарался успокоиться писатель. Ему стоило отправляться в путь.

Дорога до злосчастливого дома заняла чуть меньше получаса. Укрывшись за стеной, Вильгельм видел всё происходящее в небольшом дворике перед крыльцом. Ему посчастливилось, и уже через несколько минут по ступенькам легко сбежала Эмма. Она неуверенно посмотрела по сторонам и торопливо перешла через дорогу. Сектор частных домов посреди города прерывался многоэтажками так же неожиданно, как и появлялся среди них. Вильгельм подождал, пока Эмма отойдёт дальше от своего дома, скрывшись от него за углом, а после побежал за ней.

– Эмма! – крикнул Вильгельм, приблизившись к ней. Он едва не сбил девушку с ног, с улыбкой обнимая её за плечи. – Ты не представляешь, как я рад тебя видеть.

– Я видела новости, Уилл, – вместо приветствия сухо прозвнесла Эмма. – Ты собираешься сбежать?

– Мы. Мы собираемся сбежать, – сохраняя внешнее спокойствие, ответил Вильгельм, хотя прекрасно понимал: эта битва проиграна, она останется с отцом. И почему он сразу не заметил, что она вышла без сумки?.. – Я понимаю, всё слишком быстро, но так складываются обстоятельства. У нас будет достаточно денег на первое время, через пару дней я продам повесть. Если надо будет, найду временную работу.

– Ты убегаешь, – Эмма горько усмехнулась и отодвинулась от Вильгельма. Он так явно почувствовал холод между ними, словно кто-то одновременно распахнул форточку и входную дверь, создавая сильнейший сквозняк. – Почему ты не хочешь пойти на войну?

– В мире есть тысячи причин, по которым я не хочу в ней участвовать, начиная от страха за свою собственную жизнь, заканчивая общечеловеческой гуманностью, – Вильгельм покачал головой. – Неужели ты не понимаешь, Эмма. Я создан для других вещей. *Я напишу о войне.* Напишу так, чтобы меньшему количеству людей пришлось умирать в бессмысленных сражениях, чтобы политическая элита не использовала простых людей как пушечное мясо. Я не хочу убегать от проблем, я просто знаю, что намного больше

пользы от меня будет не на поле боя.

– Я не думала, что ты окажешься таким трусом. Папа был прав, – даже в тот злополучный момент, когда Эмма избежала не только прикосновения, но и взгляда на Вильгельма, ему больше всего на свете хотелось увидеть её пронзительные карие глаза. Увидеть, как их цвет меняется в непостоянном освещении, как сияюще ярко они на рассвете, как глубоко ночью. Как печальны сейчас. Или печаль была лишь отражением души самого Уилла? Теперь он не мог с уверенностью сказать, где заканчивались его фантазии.

– Пожалуйста, Эмма, ты нужна мне, – голос Вильгельма мгновенно охрип. Он сам не до конца понимал, зачем сказал ей это, если видел дальнейший поворот событий. Она не поблагодарит его за проведённое время вместе, не попросит, даже не извинится за то, что молча развернётся и оставит его одного. Она вернётся к отцу, к своим вечным тренировкам и строгому режиму жизни. А когда закончится война, начнёт встречаться с каким-нибудь военным, которого будет уважать отец. Она даже выйдет за него замуж, у них появятся дети и совместный быт. Она вычеркнет годы отношений с Вильгельмом из своей памяти, чтобы мысленно не повторять «Боже, как я была глупа и наивна!».

И несмотря на всё это, Вильгельм произнёс эту фразу. Достал её из глубины своего сердца, обвязал бантиком и бросил под ноги Эммы, чтобы убедиться в своей правоте. Ещё несколько минут ступора, пока она вдавливала в грязь самую

светлую его часть, и...

Всё закончилось.

Вильгельм сидит в скором поезде, который уносит его подале от привычных мест. За окнами пролетают густые леса, редкие деревни и лазурное небо. Вид как с картинки. Слишком идеальный, слишком приторный. Но пусть он лучше запомнит его чересчур хорошим, чем будет медленно наблюдать за угасанием.

– Цель Вашей поездки? – спрашивает его пограничница, скептически переводя взгляд с паспорта. Она прекрасно знает, по какой причине резко увеличивается количество покидающих страну мужчин.

– Работа, – с обезоруживающей улыбкой отвечает Вильгельм. Она не может ничего ему предъявить. Он чист и имеет право на свободу передвижения.

– Хорошего пути, – девушка едва заметно улыбается.

За сожжёнными мостами его ждут новые горизонты. Для вдохновения поэта нет ничего лучше небольшого бродяжничества и безнадежно разбитого сердца. Он обошёлся малой кровью.

Король

С самого начала своей жизни Вильгельм не мог на что-то пожаловаться. У него хватало всех необходимых для выживания вещей: тёплый дом с печкой, мягкая кровать, ежедневный обед и общество семьи. Он видел, что многие соседи жили куда хуже: у них то и дело не хватало дров, муки или чистой воды.

Но, как и каждый ребёнок, Вильгельм мечтал о большем. Их общение с матерью часто состояло из его расспросов о том, как живут другие люди. Его мать же – Лора – всегда просила своих детей не придавать большое значение материальным благам. И если Вильгельм никогда не останавливался, то Генри – его старшему брату – хватило безразлично пожать плечами, чтобы вернуться к игре с Джессикой – их младшей сестрой, – которую и вовсе не интересовали такие тонкие грани их жизни. Они были слишком слепы, чтобы осознать всю роскошь знатных семей, проезжающих в повозках по главным улицам. Вильгельм единственный видел королевский двор, заглядывал в окна видных людей, но всегда убегал раньше, чем его с позором выгоняли. Что уж говорить про сам замок. Он возвышался над горизонтом городка, представляя собой наивысшую форму могущества правителя. Вильгельм с замирающим сердцем рассматривал шпили, словно пронзающие чистое небо, и представлял себя чуть

ближе к ним.

С течением времени в Вильгельме проявлялось всё больше и больше противоречивых черт. Ему не был чужд тяжёлый и грязный труд, но он питал интерес ко всем предметам роскоши, которые зачастую видел только на базарах. По мере взросления у него появлялось всё больше вопросов к матери, но озвучивал он их намного реже. У них всегда была еда, несмотря на то, что постоянной работы у Лоры не было. Выжить с тремя детьми, зарабатывая только редкими заказами на пошив платьев, казалось Вильгельму невозможным. Но он молчал, трудился и как мог заботился о Джессике. Будучи старше брата на десять лет, Генри смог научить его находить работу каждый день. Освоить профессию они не могли, да вот только причины были разные: Генри этого не хотел, а Вильгельм только начинал поиски наставника.

А после Генри женился. Собрал свои немногочисленные вещи, пообещал помогать деньгами и уехал строить свою собственную семью. Вильгельм остался за главного мужчину в доме. Дело облегчало только то, что к двадцати трём годам он смог завести правильные знакомства и поступить на службу посыльным к нескольким зажиточным семьям. Такой статус не только обеспечивал его средствами для жизни, но и приближал к королевскому замку. У Вильгельма появился хоть и ограниченный, но всё же доступ к окружению короля.

Чем старше становилась Лора, тем больше к ней привязывалась Джессика. Вильгельм же с болью в душе видел пе-

чальный взгляд матери и её немые восклицания. Он был уверен, что она боится смерти, что не хочет оставлять их одних, пусть никаких явных оснований для страха в её здоровье и не замечал. Но главная причина душевных терзаний матери до сих пор была сокрыта от Вильгельма. На закате своих лет Лоре стало невыносимо тяжело скрывать от него правду: скрывать, что он имеет право обладать всем желаемым и даже большим.

– Матушка, что с тобой? В последнее время ты сама не своя. Молчишь, только наблюдаешь за нами, – однажды спросил Вильгельм, чувствуя, как его нервы не выдерживают этой резкой перемены.

Слова сына разбили последние сомнения в душе Лоры. Она поблагодарила Бога, что Генри сейчас не услышит их разговора, и вдруг заплакала.

– Я не могла найти подходящего момента, чтобы рассказать об этом. Думала, что никогда не найду и унесу эту тайну с собой в могилу. Не знала я, что таким грузом она будет висеть на моей шее, – затараторила Лора, от волнения заламывая руки. Вильгельм выпрямился и сжал зубы, вдруг почувствовав, насколько важное знание сейчас обретёт. Его мать немного успокоилась и смогла продолжить:

– Дело в том, что вы с Генри... – Лора опять замолчала, а Уилл сжался ещё сильнее, стараясь не обнаружить своего волнения перед ней. – Вы с Генри... Ваш отец – король. О, прости меня сынок...

Она вновь заплакала, а Вильгельм постарался перевести дыхание. Такое неожиданное признание сбило с толку, но в то же время быстро начало расставлять всё по своим местам.

– Это благодаря его помощи всё это время нам хватало денег на жизнь? – спросил он у Лоры. Она кивнула, поднимая на него красные глаза. – Значит, он давал только минимум, дабы мы жили как все, не выделялись и ничем не смогли его выдать?

– Уже после рождения Генри мы с ним подумали, что так будет лучше... – тихо проговорила Лора, став намного спокойнее от силы духа сына.

– И почему же вы на нём не остановились? – Вильгельм словно насмеялся. – Его не испугал один внебрачный ребёнок, он захотел узнать, сойдёт ли ему это с рук во второй раз?

– Не говори так, прошу. В этом ровно столько же моей вины, сколько его, – взмолилась Лора.

– Генри знает?

– Нет, нет...

Вильгельм задумался. Он не замечал, что своим молчанием делает матери только больнее, что она ждёт его прощения. Его сознание уже захватили яркие картины грандиозного будущего, которое он теперь сможет построить, приложив небольшие усилия. Из соседней комнаты молча вышла Джессика и села возле Лоры, обнимая её и пытаясь утешить.

– О чём ты думаешь, Уилл? – Джессике показалось, что она способна увидеть мысли брата, кружащие коршунами

над их спокойствием. Услышав вопрос сестры, Вильгельм опомнился.

– Ничего пагубного. Мама, не надо так переживать. Что было – то было. Теперь нам нужно жить дальше. Мы с Генри оба неплохо устроились в жизни, – он улыбнулся и осторожно обнял Лору. И если она поверила в его мягкий голос и тёплую улыбку, то Джессика заметила алчный огонёк в глубине его глаз.

Вильгельм понимал: с его стороны было бы глупо действовать, не имея хоть какого-то плана. Следующий год он провёл внешне абсолютно так же, как и прошлые пару лет. Но внутри у него бушевали сотни идей. Быть бедным – это одно; но знать, что ты мог всю жизнь быть богатым – это совершенно другое. Вильгельм затаился в ожидании своего главного шанса. И долго ждать не пришлось.

Однажды ночью, ещё до рассвета, его разбудила Джессика. Она была до такой крайности обеспокоена, что Уилл тотчас вскочил с постели, умоляя её скорее объяснить, что произошло.

– Слышишь крики? На город напали, хотят захватить замок. Мы с мамой уже начали собираться, а тебе... – Джессика резко замолчала. Нет нужды заканчивать фразу: они оба знали, что Вильгельм по долгу службы обязан вступить в бой с противником, чтобы защитить знать. Джессика молча наблюдала, как её брат метался по комнате, собирая самые необходимые вещи. После он внезапно остановился и

посмотрел на сестру.

– Чего застыла? Помоги матери набрать как можно больше еды и теплой одежды, а то она, наверное, от ужаса не понимает, что делает.

– Ты не собираешься воевать, не правда ли, Уилл? – голос Джессики сорвался, теряя свои привычные яркие нотки.

– Не будь так наивна, – с усмешкой на лице Вильгельм медленно подошёл к ней вплотную. Словно этой близости оказалось недостаточно, он наклонился к уху Джессики и прошептал: – Воевать – удел беспомощных. *Я воспользуюсь войной.*

Заметив, с каким ужасом отшатнулась от него сестра, Вильгельм не почувствовал ничего, кроме удовлетворения от своего решения. Он накинул на себя лучший костюм, перекинул через плечо сумку с другими вещами, а Джессика всё наблюдала за его действиями.

– Лора в тебе нуждается, – тихо напомнил Вильгельм, осторожно поцеловал её в лоб и вылез во двор через окно. Не было нужды даже оборачиваться: Уилл знал, что после его жеста Джессика наконец осознала происходящее и бросилась на помощь матери. По улице суматошно бегали женщины и дети. Большинство мужчин собирались в группы и громко обсуждали, как им защитить имущество. Всё это уже не волновало Вильгельма. Перед глазами возвышался величественный замок, столько лет манящий его своими стенами.

С его стороны было бы крайне неосмотрительно бездействовать не только сейчас, но и раньше. К счастью Вильгельма, он достаточно заботился о своём будущем, предусматривая даже самые нелепые возможности. Теперь у него на руках был план расположения главных и служебных помещений в замке. И если на первом этаже он уже мог ориентироваться благодаря службе посыльным, то последующие только представлял.

Вильгельм рассчитывал на всеобщую панику. Не только бедняки озаботились вопросом спасения дома, но и все королевские придворные. В просторном дворе не было свободного места от бегающих туда-сюда господ, от тележек и рыцарей: единственных, кто уже направлялся к врагу. Все остальные – хоть и жили при короле – надеялись на чудо, которое освободит их от необходимости ступить на поле боя. Вильгельм незаметно пробрался мимо царившего хаоса и вбежал по одной из боковых лестниц на самый верх.

Стены освещали факелы, давая достаточно света, чтобы в относительном спокойствии Вильгельм мог свериться со схематичной картой, зажатой в руке. Он судорожно гадал, где сейчас вероятнее всего окажется король? У себя в спальне? В тронном зале? В зале советников? А может его уже успели увести в длинную цепь подвалов, о которой Вильгельм слышал, но плана не имел. Надеясь на везение, он решил попытаться удачу в зале советников.

И не прогадал.

Оливер Кромвель отдавал приказы своим главным полководцам, опираясь на резную спинку стула. Из своего тёмного укрытия Вильгельм долго рассматривал осунувшиеся черты короля. Его кожа казалась неестественно жёлтой при свете факелов, а глаза – слишком мрачными в глубоких глазницах. Добиться скоропостижной смерти столь уставшего от жизни человека казалось одним из самых простых дел. Вильгельм мог бы освободить трон прямо из своего угла, но тогда никто бы не признал в нём полноправного наследника трона. У Кромвеля хватало своих законнорождённых детей.

– Отец, тебе нужно укрыться! – мелодичный женский голос прервал размышления Вильгельма. Он перевёл взгляд вместе с королём и увидел прекрасную девушку. Даже не слыша её обращения к королю, можно было с лёгкостью заявить: она настоящая принцесса. Длинные светлые волосы, утончённые черты лица, пышное платье, столь неподходящее к происходящему. Лицо Кромвеля смягчилось при виде дочери.

– Дорогая, замок и без того достаточно укреплён. Мне нет нужды петлять по сырости, – он развёл руками и улыбнулся.

В следующий момент Вильгельм поставил на кон всё. Конечно, очарование принцессы было неоспоримо, но он не мог знать, насколько сильно Кромвель привязан к дочери. Хватит ли его любви, чтобы принять нужное для Уилла решение? Вечности бы не хватило, если бы он начал просчитывать возможные исходы. Поэтому Вильгельм парой прыжков

достиг принцессы, перехватил её тонкие запястья одной рукой и приставил к горлу острое лезвие кинжала. Несколько рыцарей кинулись на защиту принцессы, но Кромвель быстро остановил их.

– Отпусти её, – в голосе короля не было ни намёка на волнение. Столько в нём присутствовало стали, что Вильгельм успел поругать себя за поспешные действия. Но какая-то маленькая деталь в выражении лица Кромвеля заставила его продолжать опасный спектакль.

– Здравствуй. Готов поспорить, ты меня не помнишь, – король отрицательно покачал головой, с силой сжимая зубы. Вильгельм самодовольно улыбнулся: – Я Вильгельм, сын Лоры. Теперь вспоминаешь?

Оливер Кромвель схватился за край стола, в ужасе глядя перед собой. Один из полководцев поспешил на помощь к королю, но тот медленно выпрямился и громко попросил всех выйти. Ни отец, ни внезапно появившийся сын не проронили больше ни слова, пока не остались наедине. Тишину в зале нарушали лишь всхлипы принцессы. Вильгельм знал, что рыцари за минуту подготовятся к нападению и будут поджидать удобного момента, поэтому времени у него оставалось мало.

– Отпусти мою дочь, и мы поговорим, – сухо приказал Кромвель.

– Мне больше нравится вести переговоры, располагая неким преимуществом, – Уилл осторожно провёл лезвием

по шее пленницы, наблюдая за эмоциями короля. Да, риск оправдался – ради жизни дочери он был готов сдаться.

– Что тебе нужно?

– Признай меня своим сыном. Объяви народу, что я имею такое же право на трон, как и твой старший сын. И тогда она не пострадает, – Вильгельм с упоением наблюдал, как что-то ломается внутри короля. Он взял пергамент, вывел на нём пером несколько предложений и пообещал защиту и публичное выступление с новостью перед народом этим же вечером.

Принцесса оказалась в безопасности.

Вильгельм тоже.

Новоявленный принц быстро вжился в свою роль. Он никаким образом не участвовал в войне, всё время просиживая в своих покоях и выстраивая дальнейшие планы. Кто-то из жителей замка боялся Вильгельма, кто-то открыто ненавидел, а кто-то пытался завоевать расположение. Всё это ничуть не смущало его самого, нацеленного на захватывающие дух вершины. Уилл знал, что его шаткое положение держится только на войне, из-за которой все вопросы откладывались на неопределённый срок.

А что, как не смерть единственного до него наследника, могло укрепить позиции Вильгельма? Старший сын Кромвеля воевал среди рыцарей, пообещав не вернуться домой без победы. На поле боя случаются разные неприятности, но никто не обещает безопасности даже в защищённом лагере.

Когда до замка дошли вести о жестоком убийстве наследника во сне, Вильгельм мастерски сделал вид, будто не замечает полных презрения и ненависти взглядов всех собравшихся в тронном зале. Прямо в глаза он смотрел только принцессе. Она бледнела при каждом его появлении, уходила в другой угол покоев и всегда держала рыцаря в метре от себя. Вильгельм не злорадствовал, не смеялся над ней. Он вспоминал об оставленном доме, а когда понимал, куда унеслись его мысли, спешил вернуться в настоящее.

Люди не вечны, не вечна и война. Год спустя, перед неминуемой смертью самого короля и приближающейся новой коронацией, Вильгельм вышел из замка. Раз в месяц он навещал на окраине городка старую ведунью, у которой с каждым новым визитом покупал всё больше отвара наперстянки.

Вильгельм останавливается перед сожжённым домом. Когда-то этот дом принадлежал и ему. Сейчас среди углей невозможно распознать привычные взору картины, книги и давно брошенные вещи. Действуя под властью неизвестного порыва, будущий король заходит вглубь. Под ногами трещат мелкие камни и стекло. В одной из комнат, от которой сохранилось лишь пару досок в полу, Вильгельм замечает заколку. Осторожно наклонившись, он поднимает её. Видимо, выпала из мешка Джессики, когда та в спешке собирала вещи. Уилл не знает ни живы ли его родные, ни где они сейчас. Он хмурится, словно только что осознает, где находится.

Заколка падает обратно в грязь, отрывая Вильгельма от воспоминаний.

Его ждёт трон.